Федосик, В.А. Христианские интерполяции в «свидетельство Флавия» в древнерусском переводе «Иудейской войны» / В.А. Федосик // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 29-42.

В. А. Федосик

ХРИСТИАНСКИЕ ИНТЕРПОЛЯЦИИ В «СВИДЕТЕЛЬСТВО ФЛАВИЯ» В ДРЕВНЕРУССКОМ ПЕРЕВОДЕ «ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ»

В статье исследуются интерполяции текстов об Иисусе Христе в древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский переводчик перенес в свой перевод так называемое «свидетельство Флавия» из другого труда этого римского историка, но изложил его в собственной интерпретации. «Свидетельство Флавия» в древнерусском переводе является сложной компиляцией оригинальных идей переводчика и его интерпретаций сведений, почерпнутых им из других античных первоисточников. Русский переводчик использовал сведения из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, Евангелий от Луки, Иоанна, Матфея, некоторые апокрифы. Его характеристика Понтия Пилата схожа с характеристикой этого префекта Иудеи Филоном Александрийским в его «Посольстве к Гаю». Призыв учеников Иисуса захватить Иерусалим и провозгласить его царем Иудеи является главной оригинальной идеей древнерусского переводчика среди его интерполяций в текст Иосифа.

This article examines texts interpolations about Jesus Christ in the old Russian translation of «The Judaic War» by Josephus Flavius. Old Russian translator transferred in his translation the so-called «testimonium Flavianum» from another work of this Roman historian, but represented it in his own interpretation. «Testimonium Flavianum» in old Russian translation is the complex compilation of translator's original ideas and his information interpretations of data gleaned from other ancient sources. The Russian translator used the information from «The Judaic Antiquities» by Josephus Flavius, Gospels of Luke, John, Matthew, some apocryphas. His characteristics of Pontius Pilate is similar to characteristics of this prefect of Juea by Philo of Alexandria in his «Embassy to Caius». The appeal of pupils of Jesus to capture Jerusalem and to proclaim him the king of Judaea is the main original, idea of old Russian translator among his interpolations in the text of Josephus.

Ключевые слова: Иосиф Флавий, «свидетельство Флавия», древнерусский перевод «Иудейской войны», Рим, Понтий Пилат, Иисус Христос.

Keywords: Josephus Flavius, «testimonium Flavianum», old Russian translation of «The Judaic War», Rome, Pontius Pilate, Jesus Christ.

В Древней Руси главным источником знаний об античном христианстве были, разумеется, книги Нового Завета. В них не только изложена жизнь и деятельность Иисуса, апостолов, первых христианских общин как в Иерусалиме, так и в других регионах Римской империи (Малая Азия, Греция, Македония) и в самом Риме, но и та обстановка, в которой это происходило. Фигурирует множество имен римских императоров, императорских чиновников (в частности, назначавшихся императорами наместников провинции Иудея Понтия Пилата, Антония Феликса, Порция Феста, легата императора Августа в Сирии Квириния), воинов, представителей династии Ирода, иудейских священников, лидеров мессианских и антиримских движений в Иудее (Иуда Галилеянин, Иоанн Креститель, Февда), жителей разных городов Римской империи. Разумеется, канонический характер текстов книг Нового Завета требовал строгого и точного перевода, исключал для переписчиков возможности каких-либо собственных дополнений, существенных изменений текста. То есть здесь не следует искать какой-либо интерпретации истории античного христианства древнерусскими переписчиками (об интерпретации можно говорить лишь в филологическом контексте применительно к смыслу и терминологии перевода). Однако иное отношение к оригиналу текста

Федосик Виктор Анатольевич — заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

источника можно наблюдать при анализе списков древнерусских переводов трудов античных или средневековых историков, в которых содержатся важные сведения по истории античного христианства, в том числе и первоначального христианства. И в первую очередь это характерно для перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Древнеримский историк Иосиф Флавий писал свои труды в I в. н. э., т. е. примерно в тот период, когда создавались книги Нового Завета. Уроженец Иерусалима (родился в 37 или 38 г.), проживший на своей родине более 30 лет и участвовавший в восстании 66—73 гг. против римского владычества (причем с обеих сторон) [1, с. 4—6], он был очевидцем ситуации, в которой христианство делало свои первые шаги. Его «Иудейская война» и «Иудейские древности» являются ценнейшим и уникальным источником по истории первоначального христианства. Именно в трудах Иосифа Флавия содержится наиболее полная информация о статусе Иудеи (как «союзного царства», разделения ее на этнархию и тетрархии, как римской провинции), о социально-политической ситуации в ней, религиозных движениях, о всех правителях династии Ирода, обо всех римских префектах и прокураторах Иудеи, иерусалимских первосвященниках. Для христианского читателя произведения Иосифа Флавия всегда имели особую ценность в силу того, что там можно было найти подробные сведения о тех персонажах, которые лишь упоминаются в новозаветных книгах, либо же найти более подробные характеристики представителей римских властей, марионеток из династии Ирода, иудейских высших священнослужителей, особенно тех, кто оказался причастен к судьбам Иисуса, апостолов. Иосифу Флавию принадлежат и первые нехристианские свидетельства об Иисусе и христианах. Они содержатся в завершенных им в середине 90-х гг. «Иудейских древностях» (XVIII, 3, 3; XX, 9, 1), где он повествует о казни Иисуса при Понтии Пилате и казни брата Иисуса Иакова по приговору иерусалимского синедриона во время отсутствия в Иудее римского прокуратора (после смерти Порция Феста новый наместник Альбин еще не успел прибыть на место назначения). В этом труде говорится и о деятельности и казни Иоанна Крестителя, причем версия его казни у Иосифа отличается от евангельской (XVIII, 5,2). Эти места из произведения Иосифа Флавия вызывали особый интерес у христианских читателей. Нашли они отражение и в древнерусских источниках. Наиболее необычно выглядит версия о казни Иисуса в древнерусском переводе «Иудейской войны». В оригинале этого труда Флавия об Иисусе не говорится ничего, все его тексты об Иисусе, Иоанне, Иакове содержатся в «Иудейских древностях», известных в Древней Руси главным образом по «гибриду» их с «Иудейской войной» в виде «Иосипона». Но в «Иосипоне» также нет этих мест. Видимо, чрезвычайно важное для веры древнерусского переводчика (или переписчика) место из текста Иосифа Флавия о Христе побудило его совершить соответствующую интерполяцию в текст древнеримского историка. Анализ этого текста представляется тем более важным в связи с традиционным вариантом текста Флавия и вариантом текста Агапия.

Итак, в течение многих веков традиционной версией текста Иосифа Флавия об Иисусе (Иуд. древн., XVIII, 3,3) была следующая: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил его к кресту. Но те, кто раньше любили его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о нем и о многих других его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по его имени» [2, с. 439].

Достоверность этого отрывка долгое время подвергалась сомнениям. Аргументы в пользу недостоверности данного текста из труда Иосифа Флавия выглядели, надо признать, довольно убедительными. Разве мог Иосиф, будучи фарисеем, считать Иисуса мессией, т. е. Христом? Ведь и Евангелия, и Деяния святых Апостолов свидетельствуют о том, что фари-

сеи были ярыми противниками Иисуса и его последователей. Никак не мог фарисей Иосиф называть Иисуса Христом и убеждать своих читателей в его воскресении из мертвых. Душа человека бессмертна, писал Иосиф, «но только души добрых переселяются в другие тела, а души злых обречены на вечные муки». Никак не мог в представлениях фарисея умерший человек воскреснуть и явиться живым в своем прежнем виде через три дня. Тем более, что один из блестящих раннехристианских богословов Ориген еще в первой половине III в. прямо заявлял, что Иосиф Флавий не признавал Иисуса Христом. Но в начале IV в. Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» процитировал рассказ Иосифа об Иисусе, и эта цитата совпадает с текстом «Иудейских древностей» [3, с. 41—42].

Долгое время многие историки считали, что рассказ Иосифа Флавия об Иисусе и распятии его Понтием Пилатом — вставка, сделанная благочестивым христианином-переписчиком [4, p. 459—460; 5, s. 147]. Ведь, на самом деле, до нас дошло ничтожно малое число произведений древних авторов в оригиналах либо копиях с них, сделанных еще в древности. Разумеется, христианские переписчики могли вносить свои правки в те места текста Иосифа Флавия, которые не соответствовали их убеждениям.

Лишь в XX в. была открыта другая рукопись с текстом Иосифа Флавия. Это было сочинение «Всемирная история» христианского епископа Агапия, жившего в X в. в Египте, где уже господствовал ислам. Подобно другим средневековым хроникам труд Агапия излагал всю известную автору мировую историю от Сотворения мира и до его последних дней. Агапий использовал труды многих историков. Цитирует он и Иосифа Флавия. В переводе с арабского языка, на котором писал Агапий, эта цитата звучит так: «В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть; однако те, которые стали его учениками, не отреклись от своего учителя. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и был Мессия, о котором пророки предвещали чудеса» [6, с. 593].

Текст кажется похожим на традиционную версию этого отрывка из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Но в своих главных акцентах он кардинальным образом отличается от ранее известного варианта. Иосиф у Агапия отнюдь не утверждает, что Иисус был Христом (Мессией), а пишет о том, что так считали ученики Иисуса. И своего учителя они считали Христом на основании того, что будто бы видели его живым на третий день после распятия. То есть не сам Иосиф называл Иисуса Христом, а ученики Иисуса. Для Иосифа Флавия Иисус — мудрый, добродетельный человек. И о чудесах, которые творил Иисус, Иосиф ничего не говорит. Вариант текста, сохраненный Агапием, полностью соответствует фарисейским убеждениям Иосифа Флавия.

И все стало на свои места. Агапий, живший на мусульманском Востоке в X в., использовал доступный ему древний перевод «Иудейских древностей» с древнегреческого на сирийский язык. Нужный ему отрывок Агапий перевел на арабский. Сирийский перевод «Иудейских древностей» обработке христианскими переписчиками не подвергался и был мало востребованным в грекоязычной Византии (куда поначалу входил Египет), тем более после завоевания Египта в 642 г. арабами, принесшими с собой новую религию — ислам. Изоляция этой версии текста Иосифа Флавия вдали от христианской Европы позволила ей сохраниться на долгие века без вмешательства христиан-переписчиков. А рукопись Агапия пережила «двойное открытие». Впервые она была издана в Париже еще в 1910 г. профессором-арабистом Тартусского университета Александром Васильевым на арабском языке и с переводом на французский язык. Но на эту публикацию тогда просто не обратили внимания. Рукопись была снова открыта только в начале 1970-х гг. [7, с. 122; 8, с. 67—69; 9, с. 62—64]. Но на сей раз она вызвала огромный интерес. Стало понятно, что в Европе переписывалась, а затем издавалась (на греческом языке с 1544 г.) и переводилась версия текста «Иосифа Флавия», под-

корректированная христианами. Соответствующие правки передавались и в латинском переводе, сделанном еще в конце античности выдающимся христианским богословом Иеронимом либо его современником Руфином Аквилейским. Скорее всего, правки были внесены в III в. после Оригена, скончавшегося в 254 г. [10, с. 33; 4, p. 459].

В версии Агапия существенное отличие заключается не только в отношении Иосифа Флавия к Иисусу, но и в его оценке роли Пилата в казни Иисуса. В традиционной версии: «По настоянию наших влиятельных Пилат приговорил его к кресту». У Агапия же: «Пилат осудил его на распятие и смерть». То есть, по версии Агапия, всю ответственность за казнь мудрого и добродетельного Иисуса Иосиф Флавий целиком возлагал на Понтия Пилата. Иосиф никак не обвинял в казни Иисуса иудейских «влиятельных лиц». Если сопоставить последнее с содержанием Евангелий, то получается, что Иосиф по сути дела пытался обелить ярых противников Иисуса из числа фарисеев, саддукеев, иерусалимской знати и священнослужителей. И вот это в наибольшей мере соответствует как религиозным убеждениям Иосифа Флавия, так и его общей концепции нарастания недовольства в Иудее накануне восстания 66—73 гг. из-за неправильной политики римских наместников, в череде которых одной из самых зловещих фигур был Понтий Пилат. Ведь только Пилата и еще одного наместника Иудеи, Вентидия Кумана (в 52 г.), отстранили от должности вышестоящие начальники за вопиющие злоупотребления (Иос. Фл. Иуд. древн. XVIII, 4, 2; XX, 6, 1—3). Такие злоупотребления Понтия Пилата, прежде всего связанные с попранием религиозных верований иудеев, Иосиф Флавий описывает наиболее подробно из всех древних авторов.

Повествование Иосифа Флавия об Иисусе (исследователи часто обозначают его testimonium Flavianum) было известно в Древней Руси в передаче византийских хронистов Иоанна Малалы и Георгия Амартола. Оба они излагали традиционную версию «свидетельства Флавия». Малала дает свой пересказ: «И гибель постигла тогда иудеев. Справедливо пишет Иосиф, еврейский философ; он говорит, что с тех пор, как иудеи распяли Иисуса, Который был человек добрый и праведный, если Его вообще можно назвать человеком, а не Богом, не прекращались несчастья в стране Иудейской» [10, с. 91]. Несмотря на краткость пересказа, фразы о главной вине иудеев в распятии Иисуса и о божественности Иисуса убедительно свидетельствуют о том, что Малала использовал традиционную версию текста Иосифа Флавия, а отнюдь не вариант, известный Агапию. В древнерусском переводе «Хроники» Георгия Амартола традиционное «свидетельство Флавия» цитируется почти дословно: «А о Христе он также говорит: “Был же в те годы некто Иисус, человек премудрый, ибо, конечно, его подобает называть человеком. Ведь он был творец преславных дел и учитель людям, с радостью принимавших истину. И многих из иудеев, и многих из эллинства к себе привлек. Это был Христос. И после того, как по доносу первых наших мужей Пилат почтил его распятием, не прекратились прежде его возлюбившие. Ведь он явился им на третий день снова живым, как божественные пророки предрекали это и множество других его чудес. И ныне не перевелось колено христиан, от него именуемое”» [11, с. 188]. Как и Малала, Георгий Амартол, опираясь на «свидетельство Флавия», возлагает вину за распятие Иисуса исключительно на иудеев.

Древнерусский же переводчик «Иудейской войны» дает совершенно необычную трактовку «свидетельства Флавия», так как в «Иудейской войне» вообще нет упоминаний об Иисусе и христианах. Но древнерусский переводчик отнюдь не ограничился интерполяцией «свидетельства Флавия» из «Иудейских древностей», на основании которого создал собственный уникальный текст. Вставка следует за повествованием Иосифа Флавия о бунте иудеев против внесения в Иерусалим императорских изображений (в «Иудейских древностях» «свидетельству» предшествует эпизод с другим бунтом — против строительства Пилатом водопровода в Иерусалиме за счет священного клада иерусалимского храма). Но это отнюдь не несколько фраз: «Тогда явился муж некий, если можно назвать Его мужем. Тело и облик Его

были человеческие, по виду человек, а дела Его божественные. И творил чудеса удивительные и великие. Тем менее можем мы назвать Его человеком. [С другой же стороны], смотря только по виду, нельзя назвать Его и ангелом. И все творил некоей невидимой силою, словом и повелением. Иные говорили о Нем, что это законодатель наш первый из мертвых восстал, и великие исцеления и знамения показывает. Иные же думали, что от Бога послан, но противится во многом закону и субботы не хранит по отеческому обычаю, нечистоты же никакой не творит. Ни делами рук, но только словом все делает. И многие из народа последовали за Ним и учению Его внимали. И многие души подвизались, думая, что тем освободятся колена иудейские от римских рук.

Обычно пребывал Он перед городом на Елеонской горе, и там же заповеди даровал людям. И присоединилось к Нему учеников сто пятьдесят, и из людей множество, видя силу Его, что все, что хочет, творит словом. И велят Ему, чтобы, войдя в город, избил воинов римских и Пилата, и царствовал над ними. Но Он пренебрег этим. Потом же узнали о том властители еврейские, и собравшись с первосвященником, сказали: мы немощны и слабы противиться римлянам, ведь и лук натянут. Пойдем, возвестим Пилату, что мы слышали [о Нем], и не постигнет нас печаль, а если услышит от других, то лишат нас имения, а самих иссекут и детей наших расточат. И пойдя, возвестили [о Нем] Пилату. И тот, послав [воинов], избил многих из народа, и Того Чудотворца привели.

Испытав Его и поняв, что [Он] делал добро, а не зло, и не был ни мятежником, ни желателем царской власти, Пилат отпустил Его. Ибо [Он и] жену его умирающую исцелил. И [Он] пошел на обычные места, и делал обычные дела. И еще больше людей собралось вокруг Него, и славился своими свершениями больше всех. Завистью уязвились от Него законники. И дали тридцать талантов Пилату, чтобы убил Его. И тот взял и дал им волю самим свое желание исполнить. И с того времени искали, как Его убить.

И, как сказано прежде, дали Пилату тридцать талантов, чтобы выдал им Иисуса. Они же распяли Его вопреки отеческому закону и весьма глумились над Ним.

Тогда Клавдий своих властителей послал к ним в свое царствие: Куспия Фада, Тиверия Александра, чтобы сохранить народ в мире, не дать никому отступиться от чистого закона. Многие явившиеся тогда служители описанного прежде Чудотворца рассказывали людям о своем Наставнике, что живой есть, хотя и умер, и освободит вас от рабства. И многие из народа слушали их и повелениям их внимали, не славы ради. Были же апостолы из простых [людей]: иные ткачи, иные сапожники, иные ремесленники, иные рыболовы. Но великие знамения творили, поистине, как желали. Эти же благородные наместники, видя развращение людское, решили с книжниками взять их и убить, ибо малое немалым станет, когда вершится великими. Но смутились и устрашились знамений их, свидетельствующих, что обманом только чудеса не бывают, и если они не по Божьему промыслу, то скоро обличат [сами себя]. И дали им власть, да по воле [своей] ходят. Потом [эти] последние всех бывших с ними распустили, иных к Кесарю, иных в Антиохию, иных по дальним странам на испытание веры» [12, с. 259—261].

Исследовавший этот текст Б. Г. Деревенский отметил очевидность компилятивного характера данной интерполяции, полагая, что «славянский редактор до некоторой степени воспроизвел “свидетельство” из “Иудейских древностей”, значительно расширив рассказ за счет заимствований из Евангелия от Матфея», хотя и с евангельским материалом обошелся произвольно, что вытекает из описания «двойного ареста» Иисуса Пилатом и подкупа его иудейскими старейшинами после освобождения Иисуса [10, с. 103]. По мнению российского исследователя, «совершенно неожиданно звучит рассказ о том, что ученики Иисуса убеждали его напасть на Иерусалим, перебить римский гарнизон и сделаться царем. Тем самым Иисус сближается с Иудой Галилеянином, пророком-египтянином и другими иудейскими вождями, о которых Иосиф Флавий сообщает нечто подобное» [10, с. 103]. Б. Г. Деревенский

полагает, что «стремление оправдать Пилата в деле Иисуса, прослеживаемое во многих христианских апокрифах, отчетливо видно и в славянской версии “Иудейской войны”: здесь римский наместник совершенно устраняется от казни Сына Божьего. Вся тяжесть вины возлагается на иудейские власти, “уязвленные завистью” к Иисусу и устрашенные тем, что движение, вызванное им, может привести к гонениям на иудеев со стороны римских властей, — мотив, идущий от Ин 11:48» [10, с. 103]. Правда, следует ссылка только на такие апокрифы, как «Евангелие Никодима», и почему-то на переписку правителя Эдессы Абгара с Иисусом [10, с. 103] (где христианство впервые в своей истории стало в начале III в. государственной религией, правда, всего на несколько десятилетий). На самом деле апокрифов, где вина в казни Иисуса снимается с Пилата, весьма много.

На наш взгляд, анализ данной интерполяции в древнерусский текст «Иудейской войны» требует более глубокого анализа. С основным смыслом выводов Б. Г. Деревенского можно согласиться, хотя они требуют и существенных уточнений. Действительно, славянский редактор до некоторой степени воспроизвел «свидетельство» из «Иудейских древностей», ибо произвольный пересказ переводчика текста Флавия содержится лишь в начале и конце интерполяции (характеристика Иисуса, повествование об учениках Иисуса и распространении его учения), остальное — текст самого переводчика. Но и в начале этого пересказа имеются весьма важные отличия от текста Иосифа Флавия. Первое, очевидно восходящее к антимонофиситской полемике, утверждение переводчика, что Иисуса можно назвать человеком. Второе — расхождения в отношении иудеев к Иисусу (для одних — воскресший Моисей, для других — нарушитель Моисеева «закона»). И третье (что очень важно), у переводчика ничего не говорится о последователях Иисуса из эллинов (в эллинистическом значении этого термина) либо из «других народов» (как в версии Агапия). Речь идет исключительно об иудеях. Отсюда и четвертое отличие: утверждение переводчика, что «многие из народа» последовали за Иисусом в надежде освободиться от римского владычества, с последующим развитием этого тезиса в призыв «многих» к Иисусу захватить Иерусалим, убить римских воинов и Пилата и стать царем независимой Иудеи.

Действительно, повествование древнерусского переводчика о том, что Иисусу его последователи предлагали захватить Иерусалим и стать царем Иудеи, является уникальным. По мнению Б. Г. Деревенского, исходным мотивом для такой версии могло послужить место из Евангелия от Иоанна (6: 15), где говорится, что Иисуса хотели «нечаянно взять Его и сделать царем» [10, с. 103]. Однако там подобное предложение следует от толпы, следовавшей за Иисусом с апостолами, которую Иисус накормил пятью хлебами и рыбой. После этого чуда (совершенного не около Иерусалима, а в окрестностях Тивериады на берегу Галилейского озера) собравшиеся назвали Иисуса пророком и хотели сделать царем. В ответ Иисус оставил толпу и апостолов и в одиночестве удалился на гору. На наш взгляд, намного более вероятно полагать, что детали древнерусский переводчик взял из текстов самого Иосифа Флавия о лжепророке-египтянине (иудее из Египта). Иосиф повествует о нем и в «Иудейской войне» (II, 13, 5), и в «Иудейских древностях» (XX, 8, 6). Тем более, если христианский переводчик интересовался подробностями об этом египтянине, упоминаемом в «Деяниях апостолов», где командир римского отряда, охранявшего в Иерусалиме взятого под стражу апостола Павла, задал ему вопрос: «Не ты ли тот египтянин, который пред сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?» (21: 38).

Иосиф датирует выступление «лжепророка» временем прокураторства в Иудее Антония Феликса (52—60 гг.). В обоих трудах он называет место дислокации «лжепророка» и его приверженцев — Елеонскую гору у Иерусалима. Ту самую, где по древнерусскому переводу проповедует Иисус и к нему присоединяются 150 учеников и «из людей множество». В «Иудейской войне» говорится о 30 000 собравшихся сторонников «лжепророка», в «Иудейских древностях» такой информации нет, но говорится о 400 убитых и 200 плененных в ходе расправы.

В «Иудейских древностях» повествуется о том, что «лжепророк» «обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город». Но более близок к древнерусскому тексту текст из «Иудейской войны»: «Он <...> выступил с ними из пустыни на так называемую Елеонскую гору, откуда он намеревался насильно вторгнуться в Иерусалим, овладеть римским гарнизоном и властвовать над народом с помощью телохранителей, окружавших его» [13, с. 167—168]. Далее у Иосифа повествуется о расправе над мятежниками: прокуратор Феликс двинул против них большой отряд конницы и тяжеловооруженных воинов, многих они убили, взяли в плен, остальные, в том числе и «лжепророк», бежали. Из текстов Иосифа Флавия следует, что это было одно из многочисленных для того времени антиримских движений с попыткой восстановить независимость Иудеи. Лидеры ряда из них объявляли себя царями (например, после смерти Ирода I бывший царский раб Симон, пастух Афронг) или пророками (как упомянутый выше выходец из Египта и Февда, движение которого было разгромлено при прокураторе Вентидии Кумане). И обвинение Иисуса перед Понтием Пилатом иерусалимским синедрионом, как следует из канонических Евангелий, заключалось вовсе не в еретических взглядах Иисуса с точки зрения иудейской ортодоксии, а в его самозванстве на царский престол. Во всех четырех Евангелиях первые же слова допроса Иисуса Пилатом — вопрос прокуратора: «Ты — царь Иудейский?» (Мат. 27: 11; Мар. 15: 2; Лук. 23: 3; Иоанн. 18: 33). Причем, ведь в Евангелиях от Матфея (1: 17)) и от Луки (3: 23—38) родословная Иисуса возводится к Давиду, основателю первой иудейской династии, а возгласы из толпы: «Осанна сыну Давидову!» (при въезде Иисуса в Иерусалим) свидетельствовали, что его считали потомком основателя династии Давидидов, наиболее легитимной в сравнении с крестьянской по происхождению Хасмонеев и идумейской (иудаизированной только в I в. до н. э.) династии Ирода. Иисус сразу же отвергает обвинение из уст прокуратора. Возможно, древнерусский переводчик, получив обильную информацию из Флавия о множестве антиримских восстаний, иудейских пророческих и мессианских движений захотел сразу же подчеркнуть, что учение Иисуса было не таким, как эти движения, и настоящий Мессия не интересовался земным царством. Отсюда отказ Иисуса от требования возглавить захват Иерусалима и стать царем, но, вместе с тем, и расправа римлян по приказу Пилата с «людей множеством», выдвигавших такое требование.

Эпизод «двойного ареста» Иисуса (тоже совершенно невероятный для раннехристианских источников), на наш взгляд, мог быть создан переводчиком под влиянием Евангелия от Луки. Ибо только в этом Евангелии повествуется о допросе Иисуса не только Понтием Пилатом, но и тетрархом Галилеи Антипой (Иродом-Антипой). По сообщению Луки, после того, как арестованный Иисус был обвинен на заседании иерусалимского синедриона в том, что он называет себя мессией (Христом) и Сыном Божьим, его привели к Пилату. А перед Пилатом члены синедриона обвинили Иисуса уже не в еретических взглядах, а в том, что он «развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя себя Христом Царем» (Лук. 22: 67—71; 23: 1—2). Пилат, задав Иисусу вопрос: «Ты — царь Иудейский?» и получив отрицательный по смыслу ответ, объявил «первосвященникам и народу», что не находит никакой вины в этом человеке. Но обвинители требовали расправы над Иисусом, крича, что он возмущал народ от Галилеи до Иерусалима. Услышав о Галилее, Понтий выяснил, что обвиняемый — галилеянин, а следовательно, является не жителем подопечной ему римской провинции Иудея, а подданным галилейского правителя Антипы. Лука известен не только как мастер высокого литературного стиля, но и тем, что жизнь и деяния Иисуса и апостолов тесно увязывает с окружающими историческими реалиями, дает хронологические ориентиры из светской истории [7, с. 51]. И единственный из евангелистов он обратил внимание на то, что хотя Иисус был арестован местными иудейскими властями в Иерусалиме, там же обвинен и доставлен на суд к наместнику римской провинции Иудея (в состав которой вхо-

дил Иерусалим), чтобы добиться его казни, обвиняемый юридически был подданным тетрарха Ирода-Антипы, правившего Галилеей. По случаю наступающей Пасхи из расположенной к северу Галилеи в Иерусалим прибыло множество паломников. И не было чем-то необычным присутствие в те дни в Иерусалиме как Иисуса, так и Антипы. Пилат же прибыл в Иерусалим из своей резиденции в приморской Кесарии для обеспечения порядка.

Лука весьма четко представлял тогдашнее административное деление Палестины, что, кстати, является весьма непростым делом для современных историков, особенно учитывая динамику статуса различных ее частей в течение довольно короткого времени. По римским источникам (прежде всего, по трудам Иосифа Флавия) можно восстановить административную карту этого региона времен Иисуса и апостолов.

Иудея, в которой со времен восстания Маккавеев (167—142 гг. до н. э.) правила династия Хасмонеев (до 104 г. до н. э. — первосвященники, затем — цари), утратила свою независимость еще в 63 г. до н. э., когда Помпей пленил царя Иудеи Аристобула II и взял Иерусалим. Конкурента Аристобула II в борьбе за престол Гиркана II Помпей оставил в Иерусалиме первосвященником, но без царского титула. Первая попытка превращения Иудеи в римскую провинцию была предпринята в 57 г. до н. э. римским наместником провинции Сирия Авлом Габинием, разделившим Иудею на 5 административно-податных округов с синедрионом в каждой из них (вместо одного Иерусалимского) [14, с. 126]. Но она не была завершена из-за гражданских войн в Риме, в которые были втянуты и восточные территории Римской державы. В 47 г. до н. э. за помощь в Александрийской войне Юлий Цезарь дал титул этнарха Гиркану II, а его советнику Антипатру — прокуратора Иудеи с правами римского гражданства (Иос. Фл. Иуд. война, I, 10, 3; Иуд. древн., XIV, 8, 5). Фактические это было превращением Иудеи в союзное Риму царство под началом династии Иродов. Титул царя (rex socius), зависимого от Рима, Ирод получил от римского сената в 40 г. до н. э., но в том же году взявшие Рим парфяне объявили царем Антигона Хасмонея, а в 37 г. до н. э. Ирод расправился с ним и установил свой контроль над Иудеей [15, с. 164]. Подобно другим союзным царям, Ирод и его преемники утверждались римским сенатом, не имели права самостоятельно вести войны, заключать союзы с другими государствами, чеканить золотые (в часто и серебряные) монеты. Статус такого зависимого от Рима союзного царства легко мог измениться на статус провинции, если этого требовали римские интересы. С Иудеей это произошло в 6 г. н. э., когда недовольный правлением царя Архелая, вызвавшим массовое возмущение населения Иудеи, Октавиан Август ликвидировал там царскую власть и назначил управлять ею римского наместника Копония (Иос. Фл. Иуд. война, II, 7, 3; 8, 1; Иуд. древн., XVII, 13, 2; XVIII, 1,1).

Источники (прежде всего, труды Иосифа Флавия и Тацита) не дают однозначного ответа на вопрос о провинциальном статусе Иудеи и служебном ранге ее наместников. Иосиф Флавий неоднократно называет Иудею провинцией (eparchia), вместе с тем дважды сообщая, что она была «присоединена» (prostheken) к Сирии (Bell. iud., II, 12, 1; Antiq. iud., XVII, 13, 5; XVIII,1,1; XVIII, 2, 1) [16]. Термином «прокуратор» (epitropos) он прямо титулует трех наместников Иудеи (Копония, Понтия Пилата, Феликса) в «Иудейской войне» (Bell. iud., II, 8, 1; II, 9, 2; II, 12,8) и фактически Тиберия Александра (47—48 гг.) и Вентидия Кумана (48—52 гг.) в фразе о преемственности должности прокуратора Куманом от Александра: ...eparchias diadechetai ten epitropen apo Alexandrou Koumanos (Bell. iud., II, 12, 1). Однако в более поздних «Иудейских древностях» Иосиф Флавий избегает указаний титулатуры римских наместников, использует неопределенные термины hegemon, diadochos, говоря о «прокураторстве» только Куспия Фада (44—47 гг.) (Antiq. iud., XX, 5, 1). Филон Александрийский говорит о Понтии Пилате как о «прокураторе» (epitropos) Иудеи (О посольстве к Гаю, 38) [17]. Тацит первым (ок. 110 г.) обозначает латинским термином procurator должность Пилата в Иудее, равно как и Куспия Фада и Вентидия Кумана (48—52 гг.) (Анналы, XII, 54; XV, 44). Он же

заявляет, что «Клавдий превратил Иудею в провинцию» (История, V, 9). А в найденной в 1961 г. на стелле в Кесарии посвятительной надписи в честь Тиберия Понтий Пилат титулует себя префектом Иудеи (praefectus Judaeae) [4, p. 42; 5, s. 195—196; 18, p. 11—12]. Именно этому наиболее раннему и аутентичному свидетельству и следует доверять — первые римские наместники Иудеи получали ранг префекта. В Евангелиях же Пилат (равно как Антоний Феликс и Порций Фест в Деяниях апостолов) титулуется как hegemon [18, p. 135], что скорее напоминает значение современного «начальник».

Территория Иудеи как римской провинции многократно изменялась. Вначале она отнюдь не охватывала все большее царство Ирода I. По его завещанию, утвержденному в Риме, оно превратилось в тетрархию, будучи разделенным между четырьмя наследниками. Архелай, как главный наследник, получил половину (Иудею, Самарию и Идумею). С севера и востока к этой территории примыкали владения других сыновей Ирода I — Ирода-Антипы (Галилея и Перея) и Ирода-Филиппа (Батанея, Трахонея и Гавлан). Первые римские наместники управляли лишь бывшими владениями Архелая, а от территории провинции Сирия римская Иудея отсекалась владениями тетрархов (Иос. Фл. Иуд. война, II, 6, 3).

После смерти сестры Ирода I Саломеи несколько принадлежавших ей городов отошли к римлянам. После смерти Ирода-Филиппа в 34 г. его владения были включены в состав провинции Сирия, но уже в 37 г. Гай Калигула отдал их своему другу — Агриппе, внуку Ирода I, причем с царским титулом. Попытка Ирода-Антипы добиться от Калигулы такого же титула закончилась ссылкой Антипы и передачей его тетрархии Агриппе [13, с. 216—217; 15, с. 165]. За помощь Клавдию в приходе его к власти император отдал Агриппе I Иудею, Самарию и другие территории. Так что в 41 г. римской провинции Иудея не стало, а снова появилось зависимое от Рима царство Агриппы I в размерах былого царства Ирода I (Иос. Фл. Иуд. война, II, 11, 5). Правда, за излишнюю самостоятельность Агриппа был отравлен уже в 44 г., и тогда Клавдий снова превратил Иудею в провинцию. Но уже в 53 г. между Сирией и Иудеей снова появилась «буферная зона» — царство Агриппы II (сына Агриппы I), состоявшее из Батанеи, Трахонеи и Гавлана (т. е. бывших владений Ирода-Филиппа) [15, с. 165].

Римские наместники Иудеи до 41 г. имели полномочия префектов, а начиная с 44 г. (при императоре Клавдии) — прокураторов (именно эта ситуация зафиксирована Иосифом Флавием, Тацитом и Филоном, племянник которого Тиберий Александр был прокуратором Иудеи в 47—48 гг.) [15, с. 165]. Должность префекта первых семи римских наместников Иудеи (от Копония до Марулла) в 6—41 гг. означала их большие полномочия не только в административных, но и в военных делах: ведь 3 (а затем 4) римских легиона находились в Сирии [18, p. 5], за владениями Антипы и Филиппа. То есть префекты Иудеи обладали фактической самостоятельностью в управлении Иудеей, но после 44 г., когда территории Сирии и Иудеи оказались рядом, главной задачей уже прокураторов Иудеи стало взимание налогов. Резиденцией префектов и прокураторов Иудеи была Кесария Палестинская. Наместники Сирии и Иудеи назначались императором — это была территория императорских провинций. Сирийские легаты Августа в случае опасной ситуации в Иудее либо для осуществления важных мероприятий вмешивались в управление ею. Уже при первом префекте Копонии проведение переписи населения и имущества Иудеи было поручено не только ему, но и наместнику Сирии Квиринию. Дважды сирийские легаты Августа отстраняли от должностей наместников Иудеи — префекта Понтия Пилата (Луций Вителлий в 36 г.) и прокуратора Вентидия Кумана (Уммидий Квадрат в 52 г.) (Иос. Фл. Иуд. древн., XVIII, 4, 1—3; XX, 6, 1—3). Причем Луций Вителлий отстранил от должности иерусалимского первосвященника Иосифа Каиафу (в 37 г.), а еще ранее Квириний — первосвященника Иоазара. С целью подавления волнений из-за произвола римских наместников и Луций Вителлий, и Уммидий Квадрат прибывали в Иерусалим со своими легионами из Сирии. Наиболее сильные волнения в Иудее были при Понтии Пилате (в Иерусалиме и Самарии), при Куспии Фаде (движение пророка Фев-

ды), при Кумане (в Иерусалиме и Самарии), при Антонии Феликсе (52—60 гг., движение «лжепророка египтянина» у Иерусалима), а при Гессии Флоре в 66 г. они вылились в мощное восстание — Иудейскую войну 66—67 гг. Второе антиримское восстание, охватившее всю Иудею, произошло в 132—135 гг. под предводительством Бар-Кохбы, объявившего себя мессией. После его подавления Иерусалим исчез с лица земли, а провинция Иудея стала именоваться Сирия-Палестина, и наместниками туда посылали бывших консулов [15, с. 165].

Древнерусский переводчик, надо полагать, не вникал в ситуацию с изменениями статуса Иудеи, отдельных частей Палестины, определявшуюся в Риме. Так, он в своем повествовании «перескакивает» от Понтия Пилата сразу к Куспию Фаду (44—47 гг.) и Тиберию Александру (47—48 гг.), сообщив о том, что «их послал император Клавдий, чтобы сохранить народ в мире, не дать никому отступиться от чистого закона». Это — фраза из Иосифа Флавия (Иуд. война, II, 11, 6), но с любопытными коррективами. В первоисточнике сказано, что при этих наместниках «народ хранил спокойствие, так как те не посягали на туземные обычаи». Переводчик изменил акцент на соблюдение иудейского «закона», поскольку в предыдущей фразе обвинил иудейских «законников» в том, что они при Пилате распяли Иисуса «вопреки отеческому закону». Переводчик полностью игнорирует период 37—44 гг., когда внук Ирода I Агриппа получил последовательно от своего покровителя императора Калигулы власть над тетрархиями Филиппа, Антипы, а затем от Клавдия — власть над всеми владениями своего деда. Фраза первоисточника подчеркивала убеждение Иосифа Флавия, что при Агриппе и первых наместниках снова превращенной в провинцию Иудеи там не было таких массовых волнений, как при Пилате, из-за издевательского отношения к верованиям иудеев (хотя в «Иудейских древностях» повествуется о разгроме конницей Куспия Фада у Иордана толпы сторонников пророка Февды, уверявшего, что по его приказанию воды реки расступятся; о страшном голоде и казни на кресте сыновей Иуды Галилеянина при Тиберии Александре, но для Иосифа Флавия все эти люди — мятежники). Для древнерусского переводчика важно было максимально снять вину с Пилата за казнь Иисуса, возложив ее на иудейских «законников». Эпизод с допросом Иисуса у Ирода-Антипы из Евангелия от Луки, в результате которого тетрарх не признал Иисуса виновным (несмотря на яростные обвинения иерусалимских священнослужителей), явно не вписывался в концепцию древнерусского переводчика, ведь он не давал ему дополнительного аргумента для доказательства вины иудейских властителей в казни Иисуса. Вместо этого появляется «двойной» арест Иисуса Пилатом. Первый арест следует по доносу «властителей иудейских» и первосвященника, испугавшихся требований «множества» к Иисусу захватить силой оружия Иерусалим и стать царем. Но после жестокой расправы над этим «множеством» арестованный Иисус на допросе убеждает Понтия Пилата, что он не является ни бунтовщиком, ни претендентом на власть царя. Вкупе с исцелением умирающей жены наместника это дает основания Пилату освободить арестованного.

Оснований использования древнерусским переводчиком сведений из других первоисточников, дошедших до нас (и которыми мог воспользоваться древнерусский переводчик), кроме его интерпретации текстов из Евангелия от Луки о двойном допросе Иисуса, нам вряд ли удастся обнаружить. Евангелие Никодима не дает такого рода оснований. Там арестованного Иисуса дважды вводят к Пилату из-за склонявшихся перед вошедшим воинских знамен, но арестованного не отпускают [19, с. 325—326]. Общее же с этим апокрифом для древнерусского перевода «Иудейской войны» заключается в признании Пилатом невиновности Иисуса и (что весьма важно) в подчеркивании большого количества приверженцев Иисуса из иудеев. В древнерусском переводе Флавия они безымянны, не появляются перед Пилатом. А в Евангелии Никодима чрезвычайно четко и подробно излагается полемика сторонников и противников Иисуса перед Пилатом, так что там даже Пилат, «взглянув на евреев плачущих и сказал: “Не весь народ хочет Его смерти”» [19, с. 331].

Обоснование же причин причастности Пилата к казни Иисуса в древнерусском переводе «Иудейской войны» действительно уникально. Но можно ли его действительно характеризовать как то, что римский наместник «совершенно устраняется» от казни Иисуса?

Римские первоисточники дают довольно однозначную характеристику деятельности этого наместника Иудеи. Наиболее подробно писали о Понтии Пилате Иосиф Флавий (как в «Иудейской войне», так и в «Иудейских древностях»), Филон Александрийский («О посольстве к Гаю», 38), о казни им Христа писал Корнелий Тацит (Анналы, XV, 44). На фоне остальных первых наместников Иудеи Понтий Пилат предстает зловещей фигурой. Крайне негативная оценка этой персоне дается как Иосифом Флавием, так и Филоном Александрийским. Понтий Пилат выделяется из ряда прокураторов Иудеи тем, что срок его наместничества был одним из самых долгих — 10 лет, больше правил лишь его предшественник Валерий Грат — 11 лет. Если Валерий Грат сменил 4 первосвященников, то Пилат ни одного; назначенный Гратом Иосиф Каиафа был смещен легатом Сирии Вителлием уже после отстранения Пилата (Иос. Флав. Иуд. древн. XVIII, 2, 2; 4, 3). Ну и, разумеется, Пилат выделялся из ряда наместников Иудеи тем, что большую часть своего правления (с 26 по 32 г.) хозяйничал в Иудее, не имея непосредственного начальника в Сирии. Флакк прибыл в Сирию в 32 г., а Вителлий — в 35 г., отстранив Пилата от должности спустя год. Из тех эпизодов наместничества Пилата в Иудее, которые приводят Иосиф Флавий и Филон Александрийский, следует, что Понтий Пилат всячески стремился продемонстрировать свою преданность императору Тиберию. Об этом свидетельствуют его распоряжения внести в Иерусалим изображения императора на древках воинских штандартов (изображения людей были кощунством по иудейским обычаям) и щиты с посвятительной надписью Тиберию (Иос. Флав. Иуд. древн., XVIII, 3, 1—3; 4, 1—2; Иуд. война, II, 9, 2—4; Филон Алекс. О посольстве к Гаю, 38). Возможно, это один и тот же эпизод, передаваемый в разной интерпретации Иосифом и Филоном. Правда, детали существенно расходятся. Иосиф Флавий пишет о воинских знаках, внесенных тайно ночью в Иерусалим, шествии тысяч возмущенных иудеев в резиденцию наместника в Кесарии и их пятидневном противостоянии перед префектом и его воинами под угрозой массовой расправы. Пилат тогда отступил и приказал вернуть знаки в Кесарию. У Филона же возмущение иерусалимцев вызывают щиты без всяких изображений, но с посвятительными надписями (видимо, Тиберию). Щиты были выставлены во дворце Ирода, массовое возмущение возглавила знать, выставив «четырех сыновей царя» (по-видимому, кого-то из внуков либо правнуков Ирода I, имевшего детей от 8 из 10 своих жен). Толпа угрожала Пилату донесением Тиберию о самоуправном разжигании префектом ненависти к императору. По мнению Филона, Пилата больше испугало возможное сообщение Тиберию о его взятках, лихоимстве, оскорблениях, многочисленных казнях без суда. Письмо от иерусалимцев было отправлено, и от Тиберия быстро прибыл гневный ответ с распоряжением немедленно отправить щиты в Кесарию в храм Августа. Текст найденной надписи префекта Пилата — это сообщение о постройке им какого-то здания (возможно, храма) в честь императора Тиберия.

После случая с воинскими знаками, по сведениям Иосифа Флавия, последовала жестокая расправа Пилата с массовым выступлением иерусалимцев против траты священного клада храма на постройку водопровода в городе. На глазах присутствовавшего в Иерусалиме Понтия Пилата и по его приказу переодетые воины, окружив незаметно толпу, стали избивать людей дубинками. От побоев и давки погибли тысячи людей. Этот эпизод свидетельствует о пренебрежении Пилатом религиозными чувствами иудеев. Но, судя по описаниям Иосифа, иерусалимская верхушка не была втянута в эти волнения. Бунт из-за клада произошел уже после постройки водопровода, а, например, при Гессии Флоре возмущение вспыхнуло уже только из-за намерения взять 17 талантов из запаса храма (Иос. Флав. Иуд. война, II, 14, 6—9). Очевидно, постоянное пребывание Иосифа Каиафы первосвященником при Пилате свидетельствовало о сотрудничестве префекта с иудейской верхушкой. В какой-то мере это

можно наблюдать и в казни Пилатом Иисуса, хотя из канонических евангелий четко следует, что главный вопрос Иисуса к Пилату: «Ты — царь иудейский?». Там повествуется и об издевательствах воинов над схваченным Иисусом со словами «царь иудейский», глумливое одевание его в порфиру и терновый венец вместо царской диадемы, надпись на кресте Иисуса: «Царь иудейский» (Мат. 27:1—31, 37; Мар. 15:1—20, 26; Лук. 23:1—3, 36—38; Иоан. 19:1—22). Причем в Евангелии от Иоанна первосвященники уговаривают Пилата изменить надпись на кресте, указав, что Иисус — не царь Иудеи, а самозванец. Но Пилат отвечает отказом. Разумеется, Понтию Пилату были безразличны обвинения синедрионом Иисуса в еретических взглядах, он рассматривал подсудимого как самозванца, претендовавшего на восстановление в Иудее царской власти под видом потомка древней царской династии Давидидов. Опровержениям Иисуса Пилат не внял. Возможно, здесь сказалось нежелание конфликтовать с синедрионом и Иосифом Каиафой, но, прежде всего, опасение нового доноса Тиберию, где его могли обвинить в пособничестве самозванцу, угрожавшему римскому владычеству в Иудее. Это явственно отражено в христианских источниках. В Евангелии от Иоанна сказано: « С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царем, противник кесарю» (Иоан. 29; 12). В апокрифическом Евангелии Никодима именно аргумент обвинителей Иисуса в том, что Пилат хочет сделать Иисуса царем вместо кесаря вкупе с убеждением, что Иисус — именно тот царственный младенец, которого хотел убить Ирод, вносит перелом в решение Понтия Пилата [19, с. 335—336]. Причем в апокрифе мотив из Евангелия от Иоанна значительно усилен: « Ты не друг кесарю, если ты освободишь Того, Кто говорит про себя, что Он — царь и Сын Божий, и не хочешь ли ты, быть может, чтобы Он был царем вместо кесаря?».

Можно полагать, что казнь Иисуса Пилатом была предопределена и его шатким положением в должности префекта Иудеи, поскольку он был назначен на эту должность при всесильном префекте претория Сеяне, который как раз в 26 г. уговорил Тиберия навсегда удалиться из Рима на Капри, и фактически был вторым лицом в державе после императора (хотя и происходил из всадников). Почти наверняка назначение Пилата (также из сословия всадников) не обошлось без участия этого временщика. Разоблачение заговора Сеяна, попытавшегося занять первую роль в государстве, вызвало страшный гнев Тиберия. Расправы в 31 г. с реальными и мнимыми заговорщиками не были кратковременным порывом. Тацит в «Анналах» неоднократно приводит сведения, что Тиберий и много времени спустя вспоминал о заговоре Сеяна и расправлялся со все новыми и новыми людьми. Зная об этом, Пилат остро чувствовал опасность. Помня о гневном письме Тиберия, он опасался хоть чем-нибудь вызвать его новый гнев. Вероятно, в силу такого опасения Пилат устроил массовое убийство самарян, собравшихся у священной горы Гаризим, где некий пророк обещал показать им зарытые там сосуды Моисея (правда, по сообщению Иосифа Флавия, самаряне были вооружены). После расправы Пилат арестовал и многих из влиятельных и богатых жителей Самарии, приказав их казнить. И тогда последовала жалоба знати Самарии сирийскому наместнику Вителлию, в которой утверждалось, что поход к горе Гаризим имел целью не освобождение от римлян, а избавление от насилий самого Пилата. Луций Вителлий, прославившийся своей исключительной угодливостью перед императорами и их фаворитами, умением лавировать и выходить с выгодой из любых казавшихся смертельными для него интриг, проявив и здесь свое чутье, отстранил Пилата от должности и отправил его на суд к Тиберию. А далее Иосиф сообщает: «Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиберий умер» (Иуд. древн., XVIII, 4, 1—2). Дальнейшая судьба Понтия Пилата осталась неизвестной, хотя в многочисленных христианских апокрифах даются разнообразные ее варианты. Однако более достоверной представляется информация Евсевия Кесарийского о том, что Пилат «впал, по преданию, при императоре Гае, в такие беды, что вынужден был покончить с собой и собственной рукой наказать себя» (Церковная история, II, 7).

При наличии общих черт в характеристике Понтия Пилата у Иосифа Флавия и Филона Александрийского (жестокость, пренебрежение религиозными чувствами иудеев, казни без суда, угодливость перед императором Тиберием) следует отметить, что о взяточничестве и корыстолюбии Пилата прямо говорил лишь Филон Александрийский. У Иосифа Флавия такого нет, но в «Иудейских древностях» (XVIII, 6,5) можно найти серьезный намек в его характеристике правления Тиберия, когда историк передает слова императора о том, почему он не сменяет часто своих чиновников. По убеждению Тиберия, «в основе всякого должностного лица <...> лежит стремление к любостяжанию», любой чиновник стремится обогатиться неправедными путями, но назначенный на долгий срок, обогатившись, будет затем меньше «обирать» людей, чем это сделали бы несколько чиновников, назначенных на короткие сроки. Вряд ли древнерусский переводчик был знаком с трудами римского иудейского теолога Филона из Александрии, скорее всего, эпизод с дачей взятки «законниками» в 30 талантов Пилату за казнь Иисуса мог появиться у него в результате знакомства с самым крупным историческим трудом переводимого им античного автора. Тем более, что там прямо повествуется и о взятке, данной прокуратору Вентидию Куману самаритянами для того, чтобы тот не устраивал суд над убийцами галилейских паломников в Иерусалим в Самарии (Иуд. древн., XX, 6, 1—3). Бездеятельность прокуратора привела к массовым кровавым стычкам между иудеями и самаритянами, и тогда Кумана постигла такая же судьба, что и Пилата, — отстранение от должности наместником Сирии и отправка на императорский суд в Риме.

Возможно, и последующий интерполированный сюжет в древнерусском переводе «Иудейской войны» о том, что Пилат за взятку «выдал» Иисуса «законникам» и именно они распяли Иисуса и глумились над ним, имел некую основу в истории о Кумане, изложенной Иосифом Флавием. В «Иудейской войне» (II, 12, 7) повествуется о том, что на суде над Куманом разжалованный прокуратор был приговорен императором Клавдием к ссылке, а трибун Целер, повинный в кровавой резне, по приговору императора был доставлен в Иерусалим. Кладий «предоставил иудеям пытать его, волочить по городу и затем отрубить ему голову». Возможно, отсюда переводчик сделал вывод, что казни в Иудее совершались не только прокураторами, но и самими иудеями. Хотя в «Иудейских древностях» четко сказано, что казнь Целера в Иерусалиме была совершена по приговору императора, и ничего не говорится о казни (тем более о глумлении над ним) иудеями. Разумеется, в древнерусском переводе «Иудейской войны» интерполяции переводчика явно направлены на то, чтобы переложить вину в казни Иисуса с Пилата на «властителей иудейских», безымянных первосвященников и «законников» (скорее всего, под ними подразумеваются фарисеи). Однако это не выходит за рамки подобной тенденции в ряде новозаветных Евангелий. Ибо здесь имеется общее: Пилат не желает казнить Иисуса, не найдя подтверждений обвинениям в его самозванстве на роль царя Иудеи. Отличие древнерусского перевода, сближающее его с рядом апокрифов, в существенном акценте на том, что Пилат увидел перед собой чудотворца, человека, творящего только добро. Но в древнерусских интерполяциях присутствуют все те характеристики, которые Понтий Пилат получил у нехристианских древнеримских авторов: жестокость, пренебрежение религиозными чувствами иудеев, казни без суда, верная служба императору, взяточничество. Последняя характеристика (в отличие от других источников) древнерусским переводчиком напрямую связывается с казнью Иисуса. Полной реабилитации Пилата в древнерусском переводе нет, все его отрицательные черты присутствуют. Утверждать, что в древнерусском переводе «Иудейской войны» римский наместник совершенно устраняется от казни Иисуса, неправомерно. Ведь в тексте ясно сказано: «И дали тридцать талантов Пилату, чтобы убил Его. И тот взял и дал им волю самим свое желание исполнить». И именно он «выдал им Иисуса». То есть, Пилат причастен к казни Иисуса, хотя и не выносит лично ему смертный приговор. Впечатление же «реабилитационного» эффекта в переводе в значительной мере создается интерполяцией об оправдании Пилатом Иисуса после его ареста и допроса наместником.

Следует отметить и то, что в отличие от многих апокрифов о Пилате древнерусский переводчик вовсе не склонен убеждать, что тот в конце концов принимает веру в Христа. Пилат изображен у него римским чиновником со всеми его отрицательными качествами.

Разумеется, мы можем только предполагать, какие первоисточники послужили основой, дали мотивы древнерусскому переводчику для создания его во многом необычных собственных вставок в текст Иосифа Флавия. Однако представляется, что такую основу могли составить тексты канонических Евангелий от Луки, Иоанна, Матфея, причем из двух первых в большей степени. Могло быть использовано и апокрифическое Евангелие Никодима (особенно в силу параллелей ряда его мест с Евангелием от Иоанна). Но главный материал переводчик черпал из трудов самого Иосифа Флавия, составляя компиляции из иных хронологически сюжетов самой «Иудейской войны» и, особенно, из его «Иудейских древностей», с текстом которых он был, несомненно, хорошо знаком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Ревяко К. А., Федосик В. А.* Предисловие // Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск : Беларусь, 1991. С. 3—23.

2. *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. Минск : Беларусь, 1994. Т. 2. 606 с.

3. *Евсевий Памфил*. Церковная история. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновсого Богословского Института, 2001. 608 с.

4. *Ferguson E.* Backgrounds of Early Christianity. Grand Rapids : William B. Eerdmans Publishing Company, 1993.

5. *Vermes, G.* Kto był kim w czasach Jezusa. Warszawa : Amber, 2006. 612 đ.

6. *Довгяло Г. И., Федосик В. А.* Примечания // Иосиф Флавий. Иудейские древности. Минск : Беларусь, 1994. Т. 2. С. 3—9.

7. *Козаржевский А. Ч.* Источниковедческие проблемы раннехристианской литературы. М. : МГУ, 1985. 146 с.

8. *Кубланов М. М.* Возникновение христианства. М. : Наука, 1974. 216 с.

9. *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М. : Политиздат, 1987. 336 с.

10. *Деревенский Б. Г.* Иисус Христос в документах истории. СПб. : Алетейя, 2001. 430 с.

11. *Матвеенко В., Щеголева Л.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели. М. : Изд-во Богородский печатник, 2000. 544 с.

12. *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л. : АН БССР, 1958. 580 с.

13. *Иосиф Флавий*. Иудейская война. Минск : Беларусь, 1991. 512 с.

14. *Лившиц Г. М.* Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. Минск : БГУ, 1957. 436 *с.*

15. *Перзашкевич О. В., Федосик В. А.* Древний мир. Культура, искусство, история. М. : Эксмо, 2008. 256 с.

16. Греческий текст по: Flavii Josephi opera. Berlin, 1892—1895 на сайте: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text.

17. Греческий текст по берлинскому изданию трудов Флавия 1915 г., размещенному на сайте: http://khazarzar.skeptik.net/books/philo/legatiog.htm

18. *Bond H. K.* Pontius Pilate in History and Interpretation. Cambridge : University Press, 2004. 245 *с.*

19. Евангелие от Никодима // Книга апокрифов. СПб. : Амфора, 2004. С. 322—366.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2012 г.